

Грохот!

Железная решетка закрылась перед ней.

Канна сидела, глядя на железные прутья и вздыхая.

‘Я действительно в тюрьме. Говорят, что Амелия мертва’.

Причина смерти — отравление ядом. Канну признали виновницей.

— Без убедительных доказательств.

Жаловалась Канна.

‘Как бы то ни было, меня посадили в тюрьму за преступление, по словам влиятельного человека’.

Все потому, что она беззащитная герцогиня. И не в силах постоять за себя. И.

‘Потому что некому защищать’.

В конце концов этот мир полон страхов. Ты многократно это осознаешь, но тебе нужны силы, чтобы жить, чтобы выживать. Только собственными силами ...

И тогда.

Она услышала звук, будто кто-то тряс решетку. Канна, задумавшись, подняла голову. Пришла императрица.

— Ты.

Приблизившийся охранник открыл решетку. В тот момент, когда она распахнулась, императрица ринулась, словно дикий зверь.

— Ты убила мою дочь!

Мгновение - и боль, пронзающая щеку.

Может, она получила царапину от ногтей, может, сочтется кровь.

— Я просила тебя вылечить мою дочь, а ты! Ты убила ее!

В отличие от обычного, императрица полностью потеряла контроль над собой.

— Я верила тебе! Но ты, ты!

Однако она меня не удивила. Скорее, это была естественная реакция матери, потерявшей ребенка, и взгляд, полный гнева.

Но рыцари удивились.

— Ты убила мою дочь!

Аах! Канна плотно закрыла глаза. В щеках покалывало от боли, словно они сейчас разорвутся, и ее голос громко раздавался в ушах.

— Это не я.

— Я все еще не могу понять!

Канна сжала кулаки и терпела все наносившиеся удары.

— Еда, которой императорская семья питается при каждом приеме, появляется после проверки на яд! Очевидно, остается под подозрением то лекарство, которое ты дала. Оно было отравленным!

— Это не я.

— Тогда кто! Кто, как ты можешь отравить Амелию! Ты единственная, кто может, только ты!

Императрица схватила за плечи и яростно трясла.

— Признайся и извинись! Я прошу прощения перед вашей дочерью, погибшей за ее доверие ко мне в надежде на исцеление!

— Это не я.

— Ты, я до конца в этом уверена!

Императрица сжала ее руки и прослезилась.

— Ты бессовестно убила мою дочь...!

Но в следующий момент она быстро вытерла слезы и приказала, глубоко дыша, словно пытаясь успокоиться.

— Отныне не давайте этой заключенной ни горстки пищи, ни единого глотка воды!

Когда императрица ушла, Канна была совершенно измотана и лежала на полу.

'Вот она, жестокая женщина. Как и ожидалось, она прекрасно умела держать прилюдно эмоции'.

Она чувствовала покалывание, пульсирование.

'...Печально.'

Странно, но сердце болело больше, чем тело. Ее сильно избили.

С ней обращались как со скотом.

'Это полностью отличается от того, когда меня ударила свекровь, Джозефина, тогда удары были больнее'.

'Почему? Хуже было, когда меня били кнутом. А сейчас всего несколько ударов руками'.

Но, как ни странно, ей стало грустнее. Она чувствовала опустошенность.

'Мне причинили боль.'

Мама.

Если ты узнала бы, что меня вот так бьют, уверена, ты очень расстроишься.

Слабонервный папа обязательно заплачет.

Сон Хон злится еще больше, чем я, поэтому он впал бы в ярость. И мой парень

'Нет'.

Внезапно нахлынула печаль, но Канна быстро подавила это чувство.

'Нет, не стоит думать о членах семьи. Даже друзья не помогут. Во всяком случае, они даже не знают, что я Канна. Так что не стоит их вспоминать'.

Так что не будем об этом думать. Лишь мысль о них - и на сердце еще грустнее.

'Держи свой разум под контролем, Канна. Только себе я могу доверять в этом мире. Если я сдамся, все будет кончено'.

В любом случае, разве я не ожидала подобного? Мне не стоит впадать в отчаяние.

'Все будет хорошо, я уверена'.

Действительно.

'Все наладится.'

После встречи с Канной императрица направилась прямо к Амелии для подтверждения ее смерти.

Неужели дочь мертва? Правда, правда мертва?

Она сама обязана удостовериться и увидеть собственными глазами. Может, это ошибка лекаря.

Но.

— Увы.

Императрица знала.

Слезы потекли из ее глаз. Амелия. Ее дочь.

— Почему у тебя не бьется сердце, Амелия...

Императрица всхлипнула и села рядом с кроватью. Она взяла Амелию за руку, от которой все еще исходило тепло.

— Мне очень жаль. Мне очень жаль. Мне жаль, что я обижалась на твои дерзкие слова. Мне жаль. Так что, пожалуйста...

— Императрица.

Раздался позади голос.

Мужчина заметил императрицу намного раньше, но она не оглянулась.

— Амелия правда мертва?

Спросил император.

Он посмотрел на Амелию, сердце которой не билось.

— Дочь императора мертва.

— Ах, боже, это все моя вина. Ваше величество, я сказала герцогине Валентино....

— Я слышал эту историю.

Голос императора источал легкий гнев.

— Как ты могла такое допустить, императрица.

Император искренне насмеялся. Доверить лечение королевской семьи тому, кто не является даже настоящим врачом.

Канне Валентино, которую все избегают!

— Я... я полагаю, мой разум помутнел. Я уверена, что какое-то время была явно не в себе, думая о том, чтобы попытаться вылечить болезнь Амелии. Это все моя вина, ваше величество.

Император не утешил. Потому, что согласился со словами императрицы.

Допустила бы она такую глупость, если бы она здраво мыслила?

‘Императрица — неглупая женщина. Она может совершать жестокие и подлые поступки, но отнюдь не глупые’.

Император не любил императрицу, но очень хорошо знал, кто она такая. Поэтому в этот раз она его шокировала.

Сделала ошибку, совершила глупость, что несвойственно для нее.

‘Но что все-таки произошло’.

Император посмотрел, есть ли какие-нибудь преимущества, которые он мог бы извлечь от случившегося.

Для него, императора, получение выгоды являлось таким же естественным, как дыхание. И он нашел.

— Завтра состоится суд.

— ...Что?

Императрица, ничего не понимая, смотрела на императора.

Словно он уже нашел наилучшую пользу от смерти дочери и спокойно заговорил.

— В данный момент герцог Валентино и герцог Эдис в Черном тумане. Они полностью отрезаны от мира, так что нужно закончить все, прежде чем они вернуться.

— Но...

— У нас достаточно оснований, чтобы обвинить.

О чем он говорит? Императрица смотрела на императора с непонимающим выражением лица.

— Я проведу суд, и Канну Валентино приговорят к смертной казни.

Император не тот, кто упустит представившуюся возможность. Даже если это лишь шанс, даже если его дочь умерла.

Живя подобным образом, он смог занять место императора.

— Канна Валентино убила члена императорской семьи. Ни Валентино, ни семья Эдис не освободятся от этого позорного греха.

Валентино и Эдис.

Потомки Паладина. Кровь, которая считается более благородной, чем императорская.

Их существование стало угрозой для правителя. Но.

‘Но они нужны Западу’.

Их не стереть с лица земли, но было бы неплохо хоть раз опозорить.

Если так, они будут знать свое место, и весь мир будет смотреть на них.

Они узнают, кто держит за поводок благородные семьи.

Предстала возможность подорвать их честь и продемонстрировать величие императорской семьи.

Для этого.

— Состоится открытый суд.

Открытый судебный процесс, на котором могут присутствовать люди из низших сословий.

Нет лучшего, чем это.

— Я передам полномочия императрице. Императрица должна присутствовать и наблюдать.

— ...Я?

— Да, но не осуждай и не порочь Валентино и Эдис и приговаривай к смерти только Канну Валентино.

— ...

— Не волнуйся, я поговорю с Верховным судом.

На глазах у простого народа старшая дочь семейства Эдис и герцогиня семейства Валентино станет посмешищем.

Этого достаточно, чтобы оскорбить сразу две семьи. Император похлопал императрицу по плечу.

— Не унывай, императрица. У императрицы еще есть Кресент.

— ...

— Разве Амелия не беспокоила императрицу долгое время? Думай об этом как о сыновней почтительности и забудь об этом сейчас. Это принесет пользу для тебя, для Кресента и даже для всей императорской семьи.

Затем император покинул комнату.

Императрица бессмысленно посмотрела ему в спину.

Тем временем по ее щекам текли горькие и густые слезы.

Хнык, хнык.

Непрерывно.

<http://tl.rulate.ru/book/46467/1115469>